

Гибридные войны как проявление межгосударственных конфликтов в современных условиях



Демидов Андрей Владимирович — независимый эксперт, кандидат политических наук.

УДК 327.56

Автор рассматривает понятие «гибридная война», сопоставляет определения этого понятия, данные различными зарубежными исследователями. Анализируются методы ведения гибридных войн, которые коррелируют с некоторыми вооруженными конфликтами, имевшими место в XIX–XX вв.

Ключевые слова

Гибридная война, партизанская война, терроризм, тайные военные действия, провокации, классическое ведение войны, государство-противник, подрывные действия, неприемлемый ущерб.

На фоне кризиса, развивающегося на Юго-Востоке Украины, в западной политической и политологической литературе все чаще высказывается мнение, согласно которому в этом регионе ведется так называемая гибридная война. Ее основными сторонами, мол, являются США и Евросоюз с одной стороны, и Россия — с другой. В связи с этим, по мнению автора, возникает объективная необходимость осмыслить термин «гибридная война» в теоретическом аспекте, понять, что в него вкладывается.

Упомянутый термин был введен в научный и политический оборот несколько лет тому назад западными аналитиками. Его авторство приписывают нескольким политическим и военным экспертам. Соответственно, каждый из исследователей дает свое специфическое определение этому понятию.

К примеру, отставной американский подполковник Б. Неметт считает, что гибридные войны — это «современный вид партизанской войны, который объединяет современные технологии



и современные методы мобилизации» [1].

Журналист Ф. Хоффман характеризует гибридную войну как любые действия сторон конфликта, мгновенно и слаженно использующих сложную комбинацию, состоящую из разрешенного оружия, партизанской войны, терроризма и преступного поведения на поле боя, для достижения определенных политических целей [1].

Дипломатический обозреватель Би-Би-Си Дж. Маркус полагает,

что гибридная война — это комбинация открытых и тайных военных действий, провокаций и диверсий в сочетании с отрицанием собственной причастности. Последнее, считает он, значительно затрудняет задачу другой стороны — дать полноценный и адекватный ответ на такие действия [2].

Бывший советник НАТО отставной голландский генерал Франк ван Каппен дал свое определение рассматриваемому явлению: «Гибридная война — это смешение классического ведения

войны с использованием нерегулярных вооруженных формирований. Государство, которое ведет гибридную войну, совершает сделку с негосударственными исполнителями — боевиками, группами местного населения, организациями, связь с которыми формально полностью отрицается. Эти исполнители могут делать такие вещи, которые само государство сделать не может, потому что любое государство обязано следовать Женевской конвенции и Гагской конвенции о законах сухопутной войны, договоренностям с другими странами. Вся грязную работу можно переложить на плечи негосударственных формирований» [3].

Как видно, упомянутые исследователи дают определения, хоть и различающиеся в нюансах, но все же сводящиеся к одному — гибридная война предполагает ведение боевых действий против государства-противника чужими руками, зачастую руками негосударственных игроков (партизанских отрядов, террористических группировок, среди которых можно упомянуть такие организации, как «Аль-Каида», «Исламское государство», «Свободная сирийская армия» и др.).

Смысл использования чужих рук для решения военно-политических проблем состоит в том, что террористические группировки или же частные военные компании, не связанные международными конвенциями, могут прибегать к запрещенным негуманным средствам достижения поставленных целей (массовые убийства, использование запрещенного оружия, пытки и др.).

В качестве примера использования чужих рук можно привести то, что в 1980-х годах США, сохранявшие в целом нормальные отношения с Советским Союзом, вели самую настоящую гибридную войну против нашей страны в Афганистане, в ходе кото-

рой формально не вовлеченный в этот конфликт Вашингтон на деле воевал против СССР руками афганских душманов и агентов пакистанских спецслужб. В настоящее время такая же война через предоставление военной и иной помощи сирийской непримиримой оппозиции ведется Вашингтоном против режима Б. Асада в Сирии.

Даже поверхностный анализ военных конфликтов, имевших место в XIX–XX вв., показывает, что многие из них имели признаки гибридных войн, то есть в их ходе использовались не только традиционные военные методы воздействия на противника. К примеру, во время Отечественной войны 1812 г. французский император Наполеон наряду с военным вторжением в Россию осуществил целенаправленный вброс большого количества фальшивых рублевых ассигнаций с целью подрыва российской экономики и финансовой стабильности. Россия же, как широко известно, наряду с действиями регулярной армии использовала в борьбе с вторгшимися французами партизанское движение. В ходе Великой Отечественной войны против Советского Союза гитлеровская Германия активно применяла методы пропаганды, подрывные действия в виде засылки провокаторов, диверсантов, распространителей ложных слухов и т.д. Иначе говоря, и здесь, если руководствоваться определениями, приведенными выше, присутствовали элементы гибридной войны.

Вместе с тем, как представляется, вряд ли стоит сводить гибридные войны, ведущиеся в наше время, только к военным действиям. В связи с этим обращает на себя внимание мнение автора книги *The Accidental Guerilla* Д. Килкаллена, утверждающего, что гибридная война включает в себя комбинацию партизанской и гражданской войн, а также

Гибридная война предполагает ведение боевых действий против государства-противника чужими руками, зачастую руками негосударственных игроков (партизанских отрядов, таких террористических группировок, как «Аль-Каида», «Исламское государство», «Свободная сирийская армия» и др.).

мятежа и терроризма (выделено авт. — *Примеч. ред.*) [4]. В период 1945–1991 гг., получивший название холодной войны, США вели борьбу против СССР методами, которые с полным основанием можно отнести к разряду методов гибридной войны. Соединенные Штаты не вступали в открытую вооруженную конфронтацию с Советским Союзом. И это вполне понятно: в условиях ракетно-ядерного паритета исход серьезной войны с применением современных средств разрушения (оружие массового поражения) предсказать весьма проблематично — все вовлеченные стороны понесли бы неприемлемый ущерб. Тем не менее против Советского Союза использовался широкий арсенал: информационные средства, подрывные действия, экономические диверсии и др.

В последние годы для ведения гибридных войн стали открываться новые перспективы. Вместо малограмотных и плохо обученных террористов в реализацию грязных задач за пределами своих стран начали включаться бойцы из так называемых частных военных компаний, состоящих в основном из отставных или находящихся в отпусках профессиональных военных, скрытно оплачиваемых, но формально независимых от властей контрактирующих их государств.

Хотелось бы обратить внимание на то, что имеет место опреде-

ленное перераспределение центра тяжести между военными и невоенными средствами нанесения ущерба в пользу средств невоенных. Так, научный сотрудник американского Центра стратегии и международных исследований Н. Фрайер считает, что понятие «гибридная война» предполагает создание угроз для государства-противника в следующих сферах:

- *традиционная сфера* (реальные военные действия с использованием регулярных воинских контингентов);
- *нетрадиционная сфера* (акты террора и подрывные действия, использование политических и информационных технологий для противодействия государству, с которым нецелесообразно вступать в открытый вооруженный конфликт в силу наличия у этого государства существенной военной мощи [5].



Методы воздействия на противника, могущие применяться в рамках нетрадиционной сферы гибридной войны, следует, как представляется, сгруппировать по нескольким категориям: использование так называемой мягкой силы, экономические, информационные, технологические методы.

Использование так называемой мягкой силы. В последние годы многие западные, в основном американские, политики и политологи стали уделять большое внимание явлению, получившему название «мягкая сила». По утверждению упомянутых аналитиков, речь идет о примере, о привлекательности для других стран западной, в первую очередь американской, модели политического и социально-экономического развития.

Однако на деле западный пример прививается в странах, интересующих Вашингтон, не за счет своей реальной привлекательности, а посредством применения так называемой стратегии не прямых действий, введенной в оборот британским военным теоретиком Б.Г. Лиддел Гартом [6]. В большинстве случаев этот привлекательный пример прививается через деятельность в странах-объектах различного рода неправитель-



ственных организаций, финансируемых из США, Германии, других стран НАТО.

Как социальную опору реализации политики мягкой силы используются появившиеся во многих странах мира группы людей, именуемые по-разному: «активное меньшинство», «прогрессивное меньшинство», «креативное меньшинство». Активность, проявляемая такими группировками, заметно выделяется и даже подчеркивается западными СМИ и политиками на фоне пассивности, апатии так называемого молчаливого большинства. Государствами, планирующими использовать фактор мягкой силы, такие активные группировки рассматриваются как благоприятная социальная среда для провоцирования подрывных действий. Но важна не столько их активность, сколько то, что речь идет о лицах, потерявших свои социальные, конфессиональные и национальные корни, историческую память, не имеющих четких нравственных принципов и политических ориентиров. Главное, в чем следует отдавать себе отчет, — это то, что на таких людей, формально являющихся его гражданами, государство не может делать ставку, поскольку лица, имеющие перечисленные характеристики, охотно принимают участие в антиобщественных и антигосударственных протестных акциях, через которые они надеются реализовать исключительно свои корыстные политические и материальные амбиции, а не интересы государства и общества.

Принимаются меры по подпитке таких прослоек кадрами, способными возглавить несистемную оппозицию, способными и желающими взяться за реализацию на месте запускаемой извне стратегии управляемого хаоса. Так, в США при Йельском университете успешно функционирует программа подготовки кадров (*Yale World Fellows Program*) для взятия под контроль управленческих функций в государстве-объекте после складывания в нем обстановки управляемого хаоса [7].

Экономические методы гибридной войны. Широко известно, что к экономическим мерам воздействия можно отнести экономические санкции и другие запретительные меры, а также предумышленные манипуляции с мировыми ценами на товары и продукты, имеющие стратегическое значение для государства-противника.

В качестве примера использования относительно новых экономических методов ведения



В настоящее время США настойчиво формируют в мире образ России-агрессора.

гибридной войны можно привести деятельность так называемых рейтинговых агентств, дающих оценку финансово-экономического положения отдельных стран. Характерно, что большинство таких агентств базируется в США. В связи с этим можно не сомневаться, что они формируют свои рейтинги не на основании объективных данных, предоставляемых заинтересованными государствами, а на базе чисто политических соображений, под диктовку Белого дома и госдепартамента. Публикация негативных рейтингов негодных Вашингтону государств приводит наряду с имиджевым ущербом к потере возможных иностранных инвестиций, на которые рассчитывало государство-противник, к ощутимому сворачиванию на территории этого государства деятельности иностранных компаний.

Информационные методы. К ним можно отнести распространение лжи, слухов, провокационной информации, разного рода утечки. Распространение недостоверной информации о России имеет давние традиции — этот метод использовался со времен создания вокруг Москвы сильного централизованного государства в период правления Ивана III. Прямые информационные подрывные действия были отработаны Вашингтоном в период холодной войны (деятельность радиостанций «Свобода», «Свободная Европа», «Голос Америки» и др.). Сюда же относится и поощрение нечистоплотных СМИ государства-противника к распространению исключительно негативной информации о положении в стране. Особый размах подобные действия приобрели с появлением интернет-технологий

и социальных сетей. Имеются данные о проводимой американскими спецслужбами через социальные сети целенаправленной работе против России.

Сложно охарактеризовать иначе, чем война, такие действия, как:

- навязывание обществу с помощью кино, телевидения, соцсетей чуждых ценностей (индивидуализм, низкопробная лжекультура, сексуальная распущенность, размывание семейных ценностей и др.);
- противопоставление материального достатка патриотизму;
- насаждение космополитизма;
- пропаганда среди молодежи эмигрантских настроений (периодическое вбрасывание через нечистоплотные СМИ, распространение слухов);
- скрытое поощрение коррупции.

Наряду с этим к информационным методам ведения гибридной войны следует отнести и целенаправленное создание вокруг нашей страны выгодного Вашингтону медийного фона. Не будет преувеличением сказать, что в настоящее время США настойчиво формируют в мире образ России-агрессора.

В связи с бурным развитием в последние десятилетия электронных и компьютерных технологий в военно-политических кругах развитых стран заговорили о возможном использовании для нанесения неприемлемого ущерба государству-противнику *технологических методов* (кибератаки). Речь может идти об удаленном выведении из строя электронных систем связи, государственного управления, военного командования. По имеющимся данным, ведутся разра-

ботки оружия несмертельного действия, способного нейтрализовать противника, лишить его возможности оказывать сопротивление, не нанося при этом невосполнимых потерь в живой силе, технике, материальных ценностях. Таким образом, государство-агрессор может попытаться обезоружить свою жертву еще до открытия традиционных боевых действий.

* * *

Подводя итог, следует отметить, что основной целью гибридных войн, равно как и войн традиционных, является нанесение государству-противнику максимального ущерба. Причем, по мнению многих исследователей, эффект от применения методов, характерных для гибридных войн, сопоставим с эффектом от применения оружия массового поражения.

Согласно взглядам, превалирующим у российских политологов, утверждать, что в настоящее время наша страна ведет гибридные войны против кого бы то ни было, оснований нет. Вместе с тем совершенно очевидно, что кризис на Юго-Востоке Украины по сути является прямым противостоянием России и США. Как показывает анализ, в перспективе межгосударственные конфликты будут с большой долей вероятности носить характер гибридных войн. Не зря в сентябре 2014 г. в итоговом документе встречи Северо-Атлантического альянса на высшем уровне в Ньюпорте было заявлено, что НАТО «в состоянии решать конкретные проблемы, связанные с гибридными методами ведения войны с широким спектром военных, полумилитарных и гражданских мер, применяющихся с высокой степенью интеграции» [8]. В связи с этим на фоне кризиса на Юго-Востоке Украины и процессов, происходящих в мире, России вряд ли следует уклоняться от проведения гибридных войн чужими

руками против государств, угрожающих ее интересам. При этом нужно быть готовыми к отражению весьма вероятных пропагандистских выпадов со стороны наших западных партнеров/конкурентов, а также к использованию информационных и иных методов противодействия нашим противникам. ■

ПЭС 15122 / 09.10.2015

Источники

1. Hybrid vs. Compound War [Электронный ресурс] // *Armed Forces Journal*. URL: www.armedforcesjournal.com/2009/10/4198658.

2. «Гибридная война Путина» — головная боль НАТО [Электронный ресурс] // BBC. 2014 (1 декабря). URL: http://www.bbc.com/russian/international/2014/12/141106_nato_russian_strategy.

3. Захаров М. Бойцы гибридного фронта // *Мир и политика*. 2014. № 6.

4. Kilcullen D. *The Accidental Guerilla. Fighting Small Wars in the Midst of a Big One*. Oxford University Press. New York, 2009, p. 5–6.

5. Захаров М. «Гибридные войны» в степях Украины: кто делает первый выстрел [Электронный ресурс] // *Мир и политика*. 2015 (21 мая). URL: <http://mir-politika.ru/13626-gibridnaya-voyna-v-stepyah-ukrainy-kto-sdelal-pervyy-vystrel.html>.

6. Демидов А.В. «Мягкая сила» как инструмент внешней политики // *Безопасность Евразии*. 2013. № 2.

7. Демидов А.В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу»: Материалы международной научно-практической конференции «Изменения в геостратегической карте Азии и Северной Африки в начале XXI века» в Институте востоковедения РАН / Под ред. А.М. Хазанова. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014.

8. Перемитин Г. Командующий войсками ЗВО заявил о начале гибридной войны против России [Электронный ресурс] // РБК. 2015 (24 апреля). URL: www.top.rbc.ru/politics/24/04/2015/553a202b9a79474b9a8c2358.

Hybrid Wars as an Expression of Inter-State Conflicts in Modern Conditions

Demidov Andrey Vladimirovich

The author examines the concept of “hybrid warfare”, compares definitions of this notion, given by different foreign researchers. He analyzes the methods of hybrid wars waging that correlate with certain armed conflicts that took place in the XIX-XX centuries.

Keywords: hybrid warfare, guerrilla warfare, terrorism, secret military actions, provocations, classic waging of war, the enemy state, subversive operations, unacceptable damage.

References

1. Hybrid vs. Compound War. *Armed Forces Journal*, available at: www.armedforcesjournal.com/2009/10/4198658.

2. «Gibridnaya voyna Putina» — *golovnaya bol' NATO* [“Hybrid Warfare of Putin” — the headache of NATO]. BBC, available at: http://www.bbc.com/russian/international/2014/12/141106_nato_russian_strategy.

3. Zakharov M. Boytsy gibridnogo fronta [Hybrid Front Soldiers]. *Mir i politika*, 2014, no. 6.

4. Kilcullen D. *The Accidental Guerilla. Fighting Small Wars in the Midst of a Big One*. Oxford University Press. New York, 2009, p. 5–6.

5. Zakharov M. «Gibridnye voyny» v stepyakh Ukrainy: kto sdelael pervyy vystrel [“Hybrid Wars” in the Ukraine Steppes: Who will Make the First Shot]. *Mir i politika*, 2015, available at: <http://mir-politika.ru/13626-gibridnaya-voyna-v-stepyah-ukrainy-kto-sdelael-pervyy-vystrel.html>.

6. Demidov A.V. «Myagkaya sila» kak instrument vneshney politiki [“Soft Power” as an Instrument of Foreign Policy]. *Bezopasnost' Evrazii*, 2013, no. 2.

7. Demidov A.V. Ot «myagkoy sily» k «upravlyаемому khaosu» [From “Soft Power” to the “Controlled chaos”]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Izmeneniya v geostrategicheskoy karte Azii i Severnoy Afriki v nachale XXI veka» v Institute vostokovedeniya RAN*. Moscow: Tsentr strategicheskoy kon'yunktury, 2014.

8. Peremitin G. *Komanduyushchiy voyskami ZVO zayavil o nachale gibridnoy voyny protiv Rossii* [Commander of the Western Military District Announced the Beginning of a Hybrid War Against Russia]. RBC, 2015, available at: www.top.rbc.ru/politics/24/04/2015/553a202b9a79474b9a8c2358.